

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И БЕЗОПАСНОСТЬ В АТР

Александр Владимирович Лукин

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Василий Борисович Кашин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт Дальнего Востока Российской Академии наук, Москва, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 16 декабря 2018</p> <p><i>Принята к печати:</i> 25 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: Авторы полагают, что российско-китайское сближение является фундаментальной чертой меняющейся системы международных отношений. Оба государства проводят независимую внешнюю политику, часто противоречащую установкам целям государств Запада. При этом Москва и Пекин дополняют друг друга, так как Россия имеет сравнительное преимущество в военной, разведывательной и дипломатической областях, а Китай является экономической сверхдержавой. Регион Центральной Азии, который, как ожидали некоторые западные эксперты, может стать очагом российско-китайского соперничества, напротив, стал сферой сотрудничества двух стран, затрагивающей сегодня широкий круг международных вопросов. Основной площадкой российско-китайского сотрудничества в Центральной Азии стала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). При этом после присоединения Индии и Пакистана к ШОС в 2017 году она превращается в механизм российско-китайского сотрудничества не только в ЦА, но и в Индо-Тихоокеанском регионе в целом. Корейский полуостров является еще одним важным направлением координации между Москвой и Пекином в регионе. Россия и Китай с середины 2000-х годов также работают над повышением оперативной совместимости вооруженных сил. Технически страны уже проделали большую работу по подготовке почвы для военного союза, однако политическая готовность обоих государств пока недостаточна.</p> <p><i>Исследование для данной статьи выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда. Проект № 17-18-01577 «Создание Большой Евразии и разработка стратегии двустороннего сотрудничества России и стран региона»</i></p>
<p>Об авторах:</p> <p><i>Лукин А.В., д.и.н., профессор, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС, МГИМО МИД России; руководитель департамента международных отношений, НИУ ВШЭ, профессор, Чжэцзянский университет (КНР)</i></p> <p>e-mail: avlukin@hse.ru</p> <p><i>Кашин В.Б., к.полит.н., старший научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований, НИУ ВШЭ, Институт Дальнего Востока РАН</i></p> <p>e-mail: vkashin@hse.ru</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>коррупция; дестабилизация; государственный переворот; попытка государственного переворота; ВВП на душу населения; рост ВВП; устойчивость роста; традиционные ценности; рациональные ценности; ценности выживания; ценности самовыражения</p>	

Факторы российско-китайского сближения

Российско-китайское сближение является фундаментальной чертой современной системы международных отношений. Важность этого процесса определяется прежде

всего тем, что он заложил основы многих более широких международных тенденций: формирования многополярного мира, появления таких международных групп и

организаций, как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), а также проекта сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативой «Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) и др. В последнее время все эти тенденции прочно ассоциируются с идеей формирования Большой Евразии.

Разработанное российской внешнеполитическими экспертами понятие Большой Евразии стало частью официального дискурса сравнительно недавно, что выразилось в инициативе Большого или Всеобъемлющего евразийского партнерства. Выступая перед пленарным заседанием Петербургского международного экономического форума 17 июня 2016 года, президент В.В. Путин говорил о необходимости формирования такого партнерства «с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран», партнеров России по СНГ и других заинтересованных государств и объединений¹.

Эта идея была подтверждена в совместной российско-китайской декларации, которую лидеры двух стран подписали в ходе визита российского президента в Китай в июне 2016 года². В ходе визита в Россию председателя Госсовета КНР Ли Кэцзяна российский премьер Д.А. Медведев заявил, что Москва продолжает работу с Пекином по формированию Всеобъемлющего евразийского партнерства, в которое войдут государства-члены ЕАЭС и ШОС³.

Выступая на встрече министров иностранных дел России и АСЕАН 2 августа 2018 года, министр иностранных дел России С.В. Лавров отметил, что «Большое Евразийское партнерство – это не нечто, к чему надо присоединяться, не какой-то заранее подготовленный проект, согласованный в узком кругу, когда остальные говорят о том, что есть условия, на которых мы будем с вами взаимодействовать». Согласно Лаврову, эта идея основана на том, что в регионе уже действуют Евразийский экономический союз, ШОС, ЕАЭС, АСЕАН, и напомнил призыв В.В. Путина «искать естественные, отвечающие сегодняшним и завтрашним потребностям каждого из этих объединений, каждого из участников, формы сотрудничества»⁴.

По мнению большинства серьезных экспертов, происходящее сегодня российско-китайское сближение в значительной степени основывается на близости взглядов лидеров стран на прошлое и будущее мировой политики. Известный американский специалист по АТР г. Розман (Rozman, 2014) называет данное сходство взглядов «параллельными идентичностями»⁵. По словам Розмана, «риторика Китая в поддержку действий Путина на Украине и риторика России, одобряющая подход Си к Восточной Азии, не случайна. Скорее, это особенность нового геополитического порядка, пришедшего на смену холодной войне. Пока нынешние политические элиты Китая и России удерживают власть, нет оснований ожидать серьезного сдвига ни в национальной идентичности, ни

¹ Стенограмма выступления Путина на ПМЭФ – 2016 (Transcript of Putin's Speech at the St. Petersburg International Economic Forum 2016) // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/06/17/reg-szfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-pmef-2016.html>

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики (Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China) / Сайт Президента России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100>

³ Медведев: Россия формирует евразийское партнерство с Китаем (Medvedev: Russia Forms a Eurasian Partnership with China) // РИА Новости, 2016. Режим доступа: <https://ria.ru/east/20161116/1481497327.html>

⁴ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам Совещания министров иностранных дел Россия-АСЕАН, Сингапур, 2 августа 2018 года (Speech and Answers to Media by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov at a Press Conference following the Russia-ASEAN Foreign Ministers Meeting, Singapore, August 2, 2018) / МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3313736

⁵ Rozman, Gilbert. Asia for the Asians: Why Chinese-Russian Friendship Is Here to Stay // Foreign Affairs, 2014. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2014-10-29/asia-asians>

в российско-китайских отношениях»⁶. Американская исследовательница российско-китайских отношений Э. Вишник утверждает, что «из-за нормативных сходств это всегда было партнерством следствия, а не тактическим партнерством. Обмен нормами не подразумевает совпадения позиций по всем вопросам; скорее, Россия и Китай разделяют общее негативное восприятие западного вмешательства в их внутренний порядок и ограничения их возможностей на глобальном уровне»⁷. Дж. Стоукс придерживается схожего мнения: «Общее политическое видение мирового порядка создает основу для китайско-российского сотрудничества. Оно определяется, прежде всего, желанием положить конец первенству США, которое должно быть заменено многополярностью»⁸.

Такой подход находит свое отражение и на официальном уровне. В концепции внешней политики России в частности отмечается, что международные отношения «переживают переходный период, существо которого заключается в формировании полицентричной международной системы»⁹. Китайское видение также предполагает многополярный мир будущего. Так, выступая на Генеральной Ассамблее ООН 28 сентября 2015 года, Председатель КНР Си Цзиньпин отмечал, что «движение к многополярному

миру, а также подъем новых рынков и развивающихся стран стали непреодолимой тенденцией истории»¹⁰. Эта общая позиция закреплена во многих двусторонних документах, включая российско-китайскую совместную декларацию о многополярном мире, принятую еще в 1997 году¹¹.

Заинтересованность России и Китая в формировании и укреплении многополярного мира основана на сомнении обоих государств в возможности успешного долгосрочного экономического и социального развития в мире, в котором доминируют США и их западные союзники. Так в Китае ясно видят, что попытка США сорвать реализацию китайской стратегии «Сделано в Китае – 2025» путем введения санкций против крупных китайских инновационных предприятий служит подтверждением того, что экономический подъем Китая будет встречать все более жесткое сопротивление со стороны Вашингтона. Нынешняя китайская модель экономического и технологического развития, предполагающая широкую государственную поддержку технологических «национальных чемпионов», рассматривается США и частью их союзников как опасная, разрушительная и несовместимая с поддерживаемым США международным экономическим порядком.

Корни же нынешнего конфликта Запада с Россией во многом связаны с неспособностью обеих сторон прийти к некоему консенсусу относительно роли Москвы в международной, прежде всего – европейской политике, а также той степени, в которой Россия должна принять западное лидерство в своей внутренней политике и экономическом развитии.

И Россия, и Китай, как крупнейшие страны с независимыми внешнеполитическими курсами и амбициозными стратегиче-

⁶ Rozman, Gilbert. *Asia for the Asians: Why Chinese-Russian Friendship Is Here to Stay // Foreign Affairs*, 2014. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2014-10-29/asia-asians>

⁷ Wishnick, Elizabeth. In Search of the ‘Other’ in Asia: Russia–China Relations Revisited // *The Pacific Review*, 2016, No. 30:1, pp. 114-132.

⁸ Stokes, Jacob. *Russia and China’s Enduring Alliance: A Reverse ‘Nixon Strategy’ Won’t Work for Trump // Foreign Affairs*, 2017. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-02-22/russia-and-china-s-enduring-alliance?cid=int-lea&pgtype=hpg>

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации (The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation) / МИД России, 2013. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186?p_p_id=101_INSTANCE_CptICkB6BZ29&_101_INSTANCE_CptICkB6BZ29_languageId=ru_RU

¹⁰ The Full Text of Xi Jinping’s First UN Address to the United Nations General Assembly. Mode of access: <https://qz.com/512886/read-the-full-text-of-xi-jinpings-first-un-address/>

¹¹ Russian-Chinese Joint Declaration on a Multipolar World and the Establishment of a New International Order / Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Mode of access: http://www.mid.ru/ru/maps/cn//asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/412066

скими целями, полагают, что многополярная международная система будет достаточно эффективно управляться несколькими центрами силы, взаимодействующими друг с другом по глобальным вопросам при общем координации со стороны ООН. Предполагается, что Совет Безопасности будет играть центральную роль в этом мировом порядке, вероятно даже в большей степени, чем в период холодной войны.

Отношения между центрами силы должны быть конкурентными, но не конфронтационными. Ведущие государства смогут сохранить свои уникальные экономические модели, идеологии и политические структуры. Подобный подход был в какой-то степени отражен в китайской концепции «новых отношений между крупными державами», которая была первоначально предложена для китайско-американских отношений, но, по мнению китайских теоретиков, может применяться и к отношениям между Китаем и большинством, если не всеми странами G20¹².

Именно такой характер во многом приняли отношения между Россией и Китаем. При этом для России сближение с Китаем является также важной частью российской стратегии «поворота на Восток», обусловленного с одной стороны объективными потребностями развития дальневосточных регионов и страны в целом, а с другой – общим разочарованием российского руководства в возможности выстроить равноправные отношения с Западом.

В первые годы после прихода к власти В.В. Путина Россия продолжала уделять основное внимание Европе, по крайней мере в торгово-экономическом плане. Российские лидеры по-прежнему пребывали в иллюзии, что смогут говорить с Западом на равных и достичь удовлетворительных договоренностей на основе взаимных уступок. В первые годы пребывания В.В. Путина у власти была предпринята попытка оживить процесс интеграции России в «Большой Запад», причем даже за счет

российско-китайских отношений, которые к тому времени уже носили весьма позитивный характер. Россия способствовала созданию американских военных баз в Центральной Азии, к большому раздражению Китая, и даже выразила готовность вступить в НАТО.

Однако оказалось, что Запад воспринимал такие уступки не как акты доброй воли, а как признаки слабости, настаивая всегда на своих условиях и неустанно продвигая свою военную машину ближе к границам России, даже пытаясь убедить Москву в том, что такое развитие событий отвечает интересам страны.

В результате этого фундаментального недопонимания отношения России с Западом переживали кризис несколько раз: в 1999 году во время бомбардировок Югославии, в 2008 году из-за войны в Грузии и во время украинского кризиса в 2014 году, когда Запад попытался включить Украину – ближайшего российского партнера и страну с самыми сильными культурными связями с Россией – в свою зону военного и политического контроля. Если ранее подобные конфликты удавалось урегулировать, то начавшаяся в 2014 г. открытая конфронтация с Западом во многом способствовала ускорению поворота России к Азии, так как Москва стала всерьез рассматривать азиатские страны не только в качестве дополнительных торгово-экономических партнеров, но и как возможную альтернативу основным существующим. Эти давно назревшие изменения во внешней и внешнеэкономической политике России, направленные на ослабление односторонней зависимости от США и Европы, начавшие набирать скорость и глубину после 2014 г., по сути были запущены задолго до кризиса на Украине и введения западных санкций. Нынешнее понимание Москвой необходимости изменений и построения более сбалансированной внешней политики, а также сохранение независимости от других центров силы, во многом основывается на признании того, что Россия культурно и геополитически самобытна и является не столько частью Европы, сколько ее внешним партнером.

¹² The Full Text of Xi Jinping's First UN Address to the United Nations General Assembly. Mode of access: <https://qz.com/512886/read-the-full-text-of-xi-jinpings-first-un-address/>

Сотрудничество России и Китая как фактор глобальной безопасности

В 1990-е и в первой половине 2000-х гг.; России и Китаю удалось существенно расширить взаимное доверие, решить пограничные проблемы и создать механизм сотрудничества в области мер доверия на границе. Одновременно стороны расширили военнотехническое сотрудничество, что также способствовало повышению взаимной транспарентности в сфере безопасности.

С самого начала российско-китайские сотрудничество в данной области имело значение не только для развития двусторонних отношений, но и оказывало весомое влияние на глобальную и региональную безопасность. Российско-китайское сближение повлияло на стратегическую ситуацию и расстановку сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а российско-китайское военнотехническое сотрудничество в значительной степени способствовало превращению Китая к концу 2000-х годов в крупную промышленную и военную державу. Немаловажно и то, что партнерство Москвы и Пекина по линии ВТС привело к установлению большей степени взаимозависимости между двумя странами в области безопасности.

Решение о восстановлении крупномасштабной военнотехнической кооперации с Китаем, полностью прерванной в 60-е гг. XX века, было принято Москвой незадолго до распада Советского Союза, а первый крупный контракт на поставку в Китай истребителей Су-27СК и Су-27УБК был подписан в 1990 году. Цели советского руководства по налаживанию такого сотрудничества были политическими. Нормализация отношений с Китаем в 1989 году считалась очень важным успехом, и советское руководство было готово пойти на многое, чтобы сохранить и расширить эту важную стратегическую победу. Так, Китай стал первой страной, получившей доступ к самому передовому в то время советскому истребителю – Су-27, даже доверенным традиционным союзникам из стран Варшавского договора выдавались менее совершенные истребители МиГ-29.

После распада СССР российское руководство после во многом сохранило тот же

курс в отношении Китая: укрепление связей с Пекином считалось приоритетным по ряду причин, которые были понятны для советских политических аналитиков 80-х годов и сохранили свою актуальность в 90-е годы. Китаю, очевидно, суждено было стать следующей великой экономической державой. Отношения с Пекином, таким образом, должны были укрепить позиции России в диалоге с Западом.

Советско-китайский раскол 60-х годов XX века считался в России одним из худших стратегических поражений Советского Союза в ходе холодной войны. Срочное развертывание и поддержание значительных сил вдоль китайской границы в 60-80-е годы были тяжелым бременем для советской экономики. В конце 80-х годов в Забайкальском военном округе (который также включал 39-ю армию в Монголии) насчитывалось около 270 тыс. военнослужащих, в Дальневосточном военном округе – около 370 тыс., в Сибирском военном округе – около 80 тыс.¹³ Эти силы были срочно развернуты в отдаленных районах Восточной Сибири и Дальнего Востока с суровым климатом и неразвитой инфраструктурой, что сделало их содержание очень дорогостоящим. Китай стал одним из главных противников советского влияния в развивающемся мире и ключевым поставщиком вооружений, а также базой для подготовки сил сопротивления во время советского военного присутствия в Афганистане в 1979-1989 годах. Катастрофические стратегические последствия раскола получили широкое освещение в работах советских и российских дипломатов и военных аналитиков. Урок был усвоен, и Россия не хотела повторять ошибки прошлого¹⁴.

¹³ Слугин В., Фешков К., Калашников С. Вооруженные силы СССР после Второй мировой войны: от Красной армии к Советской. Часть 1: Сухопутные войска. Томск: НТЛ, 2013. – С. 640. [Slugin, V.; Fes'kov, K.; Kalashnikov, S. Vooruzhennyye sily SSSR posle Vtoroy mirovoy voyny: ot Krasnoy armii k Sovetskoy. Chast 1: Sukhoputnyye voyska (USSR Armed Forces after World War II: From the Red Army to the Soviet. Part 1: Ground Forces). Tomsk: NTL, 2013. P. 640.]

¹⁴ Кулик Б. Советско-китайский раскол: причины и последствия. Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. – С. 639. [Kulik, B. Sovetskokitayskiy raskol: prichiny i posledstviia (Soviet-

Это обоснование было также сохранено и в середине 90-х годов, когда Россия перешла к более многовекторной внешней политике. В 1996 году две страны наладили стратегическое сотрудничество и начали все активнее координировать свою политику в ООН и других международных организациях. В подписанном в 2001 г. Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве содержался пункт, согласно которому в случае возникновения угрозы агрессии против одной сторон, «Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»¹⁵. В то же время, договор не накладывает ни на одну из сторон каких-либо других, более конкретных обязательств.

В течение большей части 90-х годов объемы российско-китайской торговли были незначительными и колебались между 5,4 и 7,6 млрд долл. в год в зависимости от состояния российской экономики. Устойчивый рост двусторонней торговли начался только в 2000 году¹⁶. В 90-е и начале 2000-х гг. объем товарооборота военной продукции составлял 1,5-2,2 млрд долл. и был одним из основных столпов сотрудничества двух стран. Тогда экспорт вооружений имел решающее значение для выживания российской оборонной промышленности, поскольку закупки обычных вооружений российскими военными в 1992-1993 годах, в основном, прекратились и не достигли значительного уровня вплоть до 2009-2011 годов. В те годы на долю Китая приходилось около 40-45% российского экспорта вооружений, а выживание российского оборонно-

промышленного комплекса часто зависело от доступа на китайский рынок. Стоимость поставок российского оружия в Китай в реальном выражении достигла максимума в 2,7 млрд долл. в 2002 году¹⁷.

Военно-техническое сотрудничество двух стран начало сокращаться после 2003 года в связи с развитием китайской военной промышленности и успешным копированием технологий, ранее поставляемых Россией. Однако с конца 2000-х годов растущие амбиции китайских военных и неспособность внутреннего рынка выполнить удовлетворить некоторые их запросы привели к возрождению российско-китайского оборонного сотрудничества. В 2016 году экспорт российского оружия в Китай превысил 3 млрд долл. и имеет тенденцию к дальнейшему увеличению¹⁸.

Таким образом, российско-китайское военно-техническое сотрудничество спасло от краха значительную часть российского военно-промышленного комплекса и в то же время позволило Китаю перескочить через несколько поколений систем вооружений, сэкономив им десятилетия научных исследований и разработок. Так, Китай перешел прямо с производства истребителей второго поколения в конце 1990-х годов на производство истребителей поколения 4+++. В Китае начали выпуск систем вооружений, которые до этого никогда там не производились, такие как зенитные управляемые ракеты (ЗУР) дальнего действия, ракеты класса «воздух-воздух», действующие за пределами прямой видимости, беспилотные подводные аппараты; бомбы с лазерным наведением и т.д. Можно утверждать, что российско-китайское военно-техническое сотрудничество в какой-то мере способствовало передаче статуса великой военно-технологической державы от России к Китаю.

В свою очередь обеспокоенность Рос-

Chinese Split: Causes and Consequences). Moscow: Institut Dalnego Vostoka RAN, 2000. P. 639.]

¹⁵ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республике (Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China) / МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870

¹⁶ Справка МИД «Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество» (Ministry of Foreign Affairs "Russian-Chinese Trade and Economic Cooperation") / МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/548594

¹⁷ Объем ВТС России и Китая за последние восемь лет составил 16 млрд долл. / Рособорозэкспорт, 2009.

¹⁸ Шойгу: Россия и Китай за год реализовали контракты в сфере ВТС на 3 млрд долл (Shoigu: Russia and China for the Year Implemented Contracts in the Field of Military-Technical Cooperation for \$3 billion). Режим доступа: <https://vz.ru/news/2016/11/23/845346.html>

сии относительно роста китайского военного потенциала, осуществляемого при поддержке России, отчасти снизилась благодаря двум факторам: во-первых, благодаря эффективным мерам по укреплению доверия вдоль границы и в Центральной Азии и, во-вторых, очевидному приоритету морской экспансии в китайской внешнеполитической и военной стратегии. Анализ китайского военного развития, включая такие компоненты как постепенное сокращение сухопутных войск Народно-освободительной армии Китая, строительство крупного и дорогостоящего морского флота и практическую подготовку к конфликту в Тихом океане, означали, что Пекин преследует гораздо более глобальные цели, которые в значительной степени соответствуют стратегическим интересам России. С конца 90-х годов китайские военные стратеги уделяли все больше внимания таким задачам, как защита китайских интересов за рубежом и в море. В Москве полагают, что наращивание военного потенциала КНР будет поддерживать более активную китайскую внешнюю политику во всем мире. Это, в свою очередь, будет способствовать ослаблению роли США и укреплению многополярного характера международной системы – что соответствует интересам Москвы.

Военно-техническое сотрудничество способствовало и росту связей между военными ведомствами и офицерским составом двух государств. Российские специалисты активно обучали китайских офицеров эксплуатировать самые современные виды вооружения. С конца 90-х годов стороны начали проводить регулярные военные стратегические консультации (на уровне заместителей начальников генеральных штабов) и консультации по вопросам стратегической безопасности (секретарь Совета безопасности РФ и член Госсовета КНР, отвечающий за внешнюю политику).

С 2012 года Россия и Китай увеличили масштабы военного сотрудничества, начав ежегодные совместные учения «Морское взаимодействие». Эти учения проходят либо в Японском море, либо в одном из морей, прилегающих к Китаю. В 2015 и 2017 годах учения проводились в два этапа: 1-й этап в Северной Атлантике (Восточное Средизем-

номорье в 2015 году, Балтийское море в 2017 году) и 2-й в Тихом океане. Они считаются самыми сложными морскими учениями, проведенными до сих пор современной Россией. Мероприятия включают в себя отработку совместных действий в области противовоздушной обороны, совместные противолодочные маневры, испытания крылатых ракет и артиллерийские стрельбы, операции морских вертолетов, десантные операции и другие сложные аспекты войны на море.

Хотя обе стороны подчеркивают анти-террористический и гуманитарный характер учений, они явно были направлены на борьбу с враждебным государством, обладающим современным вооружением. Другим примером практической подготовки к возможному конфликту с крупной иностранной державой являются регулярные компьютерные командно-штабные учения по организации противоракетной обороны, начавшиеся в 2016 году. В России и Китае также растет число совместных военных соревнований, в которых задействованы многие подразделения и службы вооруженных сил как этих двух стран, так и некоторых членов ШОС и партнеров из таких регионов, как Африка и Ближний Восток.

Таким образом, мы можем наблюдать постоянные усилия обеих сторон по расширению взаимодействия российских и китайских вооруженных сил и на море, и на суше. Однако на официальном уровне обе стороны по-прежнему отрицают возможность создания формального военного союза. Кроме того, Россия по-прежнему проводит полностью независимую политику в области безопасности в Азии, имея очень тесное военно-техническое и военное сотрудничество с некоторыми из китайских региональных соперников (Вьетнам, Индия) и даже с одним союзником США (Южная Корея). Россия избегает вмешательства в крупные территориальные споры с участием Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Отсутствует и какая-либо дипломатическая координация между Россией и Китаем в отношении территориального спора последнего с Японией.

Будучи относительно пассивным игроком в области обеспечения региональной

безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Россия по-прежнему оказывает существенное влияние на ситуацию в этом регионе, и для этого не нуждается в каком-либо формальном союзе с Китаем.

Российско-китайское взаимодействие по урегулированию ситуации на Корейском полуострове

Россия и Китай ведут активный диалог по ситуации на Корейском полуострове. В конце 2002 года, обвинив Пхеньян в тайном обогащении урана, США приостановили поставки топлива на северокорейские электростанции, предусмотренные двусторонним рамочным соглашением 1994 года. В ответ 12 декабря 2002 года Северная Корея официально возобновила свою ядерную программу и выслала инспекторов МАГАТЭ из страны. 10 января 2003 года Пхеньян официально вышел из Договора о нераспространении ядерного оружия, создав тем самым крайне опасную точку региональной напряженности.

Москва и Пекин немедленно начали совместный поиск дипломатических путей разрешения конфликта. В специальном совместном коммюнике, подписанном 27 февраля 2003 года, министры иностранных дел двух стран выразили серьезную озабоченность ситуацией на Корейском полуострове и призвали все заинтересованные стороны приложить максимум усилий для нахождения мирного и справедливого решения, призывая к превращению корейского полуострова в зону, свободную от ядерного оружия, и подчеркнув, что соблюдение режима нераспространения и сохранение мира, безопасности и стабильности на полуострове будет отвечать интересам всего международного сообщества. Они также призвали к началу «конструктивного и равноправного диалога» между США и КНДР в целях разрешения «северокорейской ядерной проблемы». Россия и Китай также заявили о своем намерении «и далее развивать добрососедские, дружественные связи и сотрудничество с КНДР и Республикой Корея». Хотя обе страны осуждали Пхеньян, подход России и Китая отличался от позиции США, которые возложили на КНДР всю вину за кризис и

отказались начать с ней какие-либо переговоры¹⁹.

Тем не менее, 27 августа 2003 года, в основном благодаря деятельной поддержке Китая и России, в Пекине начались шестисторонние переговоры по северокорейской ядерной программе. Помимо КНДР, России, США и Китая, в переговорах также приняли участие Япония и Республика Корея. Впоследствии Москва и Пекин продолжили тесное сотрудничество и консультации по корейскому вопросу. Формат шестисторонних переговоров стал с их точки зрения базовым, на основе которого необходимо было искать дипломатические пути решения политического кризиса.

После выхода КНДР из шестисторонних переговоров в 2009 г. Россия и Китай заняли последовательную позицию, с одной стороны, поддерживая все санкционные резолюции СБ ООН, призванные побудить КНДР отказаться от ядерного оружия, а с другой, призывая Вашингтон начать прямой диалог с Пхеньяном.

Россия и Китай также совместно противодействовали планам США по развертыванию в Южной Корее противоракетных комплексов подвижного наземного базирования ТНААД. Официальные лица обеих стран неоднократно осуждали эти планы в 2015 и 2016 годах. В марте 2016 года министры иностранных дел Сергей Лавров и Ван И предупредили на совместной пресс-конференции, что развертывание ракетных систем на корейском полуострове может повлечь совместный ответ России и Китая. Ван И указал, что эти планы «наносят прямой ущерб стратегической безопасности России и Китая» и что «такие планы выйдут за рамки потребности безопасности в регионе, нарушают стратегический баланс и приведут к новой гонке вооружений»²⁰.

¹⁹ Совместное коммюнике министров иностранных дел российской федерации и китайской народной республики о ситуации на корейском полуострове (Joint Communiqué of the Ministers of Foreign Affairs of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Situation on the Korean Peninsula) / МИД России, 2003. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKa/content/id/530622

²⁰ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова

Сергей Лавров призвал США и Южную Корею «не прятаться за объяснения, что планы связаны с авантюрами КНДР...». «Россия и Китай выступают за принятие таких мер, которые, с одной стороны, препятствовали бы дальнейшему развитию северокорейских ракетных ядерных программ, а с другой – не вели бы к нарастанию напряженности в регионе, не перекрывали бы возможность политико-дипломатического урегулирования и не использовались бы в качестве предлога для опасного дестабилизирующего «накачивания» в регион вооружений, включая планы создания здесь системы противоракетной обороны», – заявил российский министр²¹.

Когда в ноябре 2016 г. Китай и США договорились о новых жестких санкциях против КНДР, в российской печати появились критические заметки в связи с тем, что Пекин не сообщил Москве заранее о содержании этих договоренностей²². Китайские дипломаты в частном порядке признавали недостаточную координацию с российскими коллегами в этом случае. В итоге российская озабоченность по этому вопросу была учтена.

В апреле 2017 года Россия и Китай выступили с дорожной картой для решения ядерного кризиса в Корее. Он включал три этапа. На первом этапе КНДР должна была приостановить свои ракетные и ядерные испытания, а Вашингтон и Сеул – не проводить ежегодные совместные военные учения. Второй этап предполагал начало прямых переговоров между Пхеньяном и Вашингто-

в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел КНР Ван И, Москва, 11 марта 2016 года (Speech and Answers to Media by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov during a Joint Press Conference Following Talks with the Minister of Foreign Affairs of the People's Republic of China Wang Yi, Moscow, March 11, 2016) / МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2138588

²¹ Ibid.

²² США и Китай договорились о новых санкциях в отношении Северной Кореи // Агентство «Regnum», 2016. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2209060.html>

ном, а также Сеулом и Пхеньяном. На последнем этапе должны быть возобновлены многосторонние переговоры, такие как формат «шестерки» с участием США, Китая, Японии, Южной Кореи, России и Северной Кореи. Такой многосторонний диалог должен служить средством обеспечения гарантий безопасности для КНДР и укрепить систему региональной безопасности²³.

Во время визита Си Цзиньпина в Россию в начале июля 2017 года Россия и Китай подчеркнули, что размещение системы ПРО в АТР наносит «серьезный ущерб интересам стратегической безопасности стран региона, в том числе России и Китая», и призвали отменить планы по ее развертыванию. В совместном заявлении китайского и российского лидеров также содержался призыв ко всем сторонам конфликта начать переговоры на основе отказа от применения силы и обещания сделать Корейский полуостров свободным от ядерного оружия²⁴.

Большинство китайских экспертов полагают, что, хотя системы ТНААД в Южной Корее малоэффективна для сдерживания ракетных ударов Северной Кореи или России, содержащиеся в данных комплексах системы радиолокации, могут использоваться для отслеживания ракетных систем Китая. Это даст США весомое преимущество в любом потенциальном конфликте с Китаем. По словам научного сотрудника Китайской академии военных наук генерал-майора Ло Юаня, США окружают Китай противоракетными системами, и единственным

²³ Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова (Joint Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on the Problems of the Korean Peninsula) / МИД России, 2017. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662

²⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах / Сайт Президента России, 2017. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5219>

недостающим звеном в этом окружении является Корейский полуостров²⁵. Таким образом, размещение систем ТНААД на Корейском полуострове можно рассматривать как элемент американской антикитайской военной стратегии, которая в свою очередь является стимулом для развития российско-китайского военного сотрудничества.

Накануне встречи американского и северо-корейского лидеров в Сингапуре в июне 2018 года министр иностранных дел России Сергей Лавров заметил, что процесс решения проблемы идет «в логике российско-китайской дорожной карты»²⁶. И Россия, и Китай приветствовали результаты переговоров между лидерами США и КНДР в июне 2018 г. в Сингапуре и призвали обе стороны искать мирное решение северокорейского ядерной проблемы.

Российско-китайское взаимодействие по Южно-Китайскому морю

В отличие от проблем Корейского полуострова, российский и китайский подходы к ситуации в Южно-Китайском море значительно разнятся. Но и здесь наблюдается определенное сближение. Это сотрудничество значительно усилилось после начала украинского кризиса в 2014 г.

Когда в 2016 году территориальный спор в Южно-Китайском море рассматривался Постоянной палатой Третейского суда в Гааге, Пекин активно искал международную поддержку своей позиции. В ряде случаев китайские государственные СМИ (скорее всего, специально) неправильно истолковали позицию российских и других международных чиновников в пользу Китая. Например, в мае 2016 года главные китайские информационные агентства цитировали

ли заявление генерального секретаря ШОС Р. Алимова, который якобы выразил полную и недвусмысленную поддержку своей организации позиции Китая этом конфликт²⁷ МИД России вынужден был опубликовать собственный комментарий, в котором указывалось, что, как было сказано в информационном сообщении о заседании Совета министров иностранных дел ШОС 24 мая в Ташкенте, министры Министры «подтверждают приверженность своих государств поддержанию законного порядка на море на основе принципов международного права» и считают, что все соответствующие «должны урегулироваться мирным путем на основе дружественных переговоров и договоренностей между заинтересованными сторонами, без их интернационализации и вмешательства извне» и на основе соблюдения всех положений Конвенции ООН по морскому праву²⁸. Это означало, что, в целом поддерживая позицию Китая о необходимости урегулирования территориального спора на двусторонней основе путем переговоров между участниками конфликта без вмешательства внерегиональных сил, Россия в то же время не поддерживает конкретные территориальные претензии Китая или любой другой стороны.

Однако после решения международно-го арбитража, неблагоприятного для Китая, российская позиция по этому вопросу стала несколько менее осторожной и сблизилась с позицией Пекина. Москва поддержала отказ Китая от выполнения арбитражного решения и приняла китайскую аргументацию, которая заключалась в том, что Китай не являлся инициатором арбитража, а его

²⁵ Zhang, Yunbi. China, Russia to Hold First Joint Anti-Missile Drill // *China Daily*, 2016. Mode of access: http://www.chinadaily.com.cn/world/cn_eu/2016-05/05/content_25067674.htm

²⁶ Ответ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопрос СМИ «на полях» саммита Шанхайской организации сотрудничества, Циндао, 9 июня 2018 года / МИД России, 2018. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNIml/content/id/3254852

²⁷ SCO Supports Peace and Stability in South China Sea, 25 May 2016. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2016-05/25/c_135385276.htm

²⁸ Комментарий Министерства иностранных дел России относительно заявления Генсекретаря ШОС Р.К. Алимова по проблематике ЮКМ (Commentary of the Ministry of Foreign Affairs of Russia Regarding the Statement of the SCO Secretary General R.K. Alimova on the Issues of South China Sea) / МИД России, 2016. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2292783

позиция в ходе судебного разбирательства не была услышана. Однако это все равно не означало однозначной поддержки китайских территориальных претензий.

Тем не менее, постепенное сближение позиций было очевидно. Эта динамика отражалась в растущем военном сотрудничестве и особенно формах и местах проведения совместных военных учений. В мае 2015 года Россия и Китай впервые провели совместные морские учения в Средиземном море. Эта акция привлекла значительное внимание в западной прессы. Россию и Китай обвинили в создании нового военно-морского альянса против США и их союзников. Место проведения учений отражало желание двух стран продемонстрировать совместное присутствие своих военно-морских флотов в море, где флоты стран НАТО доминировали после распада Советского Союза. Кроме того, в 2015 и 2016 годах китайские военные корабли посетили российский черноморский порт Новороссийск, расположенный недалеко от Крыма; а в сентябре 2016 года совместные морские учения были проведены в Южно-Китайском море.

Несмотря на некоторое расхождение позиций двух стран по Крыму и Южно-Китайскому морю, военные России и Китая демонстрируют взаимную поддержку и готовность к сотрудничеству. Как пояснил заместитель министра обороны РФ А.И. Антонов, это сотрудничество основано на общих вызовах и угрозах двум странам. Выступая по итогам переговоров министра обороны РФ С.К. Шойгу с заместителем председателя Центрального военного совета КНР Фань Чанлуном, А.И. Антонов отметил: «Китайские коллеги подчеркнули совпадение общих позиций по проблеме вызовов и угроз. Они отметили необходимость перестройки нынешнего миропорядка, отхода от двойных стандартов и упрочения равноправных и взаимовыгодных отношений в мире»²⁹. 7 июня 2017 года министры обороны России и Китая подписали «Дорожную карту»

по военному сотрудничеству на 2017-2020 годы. По словам представителя министерства обороны Китая, «дорожная карта» задала общие рамки для военного сотрудничества между Китаем и Россией в 2017-2020 годах, что отразило высокий уровень взаимного стратегического доверия и готовность двух стран совместно реагировать на новые угрозы и вызовы безопасности³⁰.

Российско-китайское сотрудничество в рамках ШОС

Ключевой многосторонней площадкой, на которой Москва и Пекин взаимодействуют по вопросам обеспечения региональной безопасности, является ШОС, в которую наряду с Китаем и Россией входит также большинство государств Центральной Азии, а с недавнего времени также Индия и Пакистан. Опыт многостороннего сотрудничества в рамках этой организации показал, что есть несколько общих интересующих государств-участников направлений.

Одним из ключевых направлений является сотрудничество в борьбе с международным терроризмом. Все восемь государств-членов столкнулись с исламским экстремизмом и терроризмом, часто связанными с сепаратистскими движениями и международными фундаменталистскими организациями. Россия и Китай не являются в этом исключениями – Россия на протяжении многих лет ведет войну с терроризмом на Северном Кавказе. В Китае существует достаточно острая проблема синьцзянского сепаратизма.

Подход ШОС к вопросам международной безопасности, особенно в борьбе с терроризмом, гораздо шире, чем подход, используемый США и их союзниками. Вашингтон придает первостепенное значение военным ударам по международным террористическим центрам и жесткое давление на государства, поддерживающие терро-

²⁹ Россия и Китай расширяют военное сотрудничество против общих угроз // Информационное агентство «Звезда», 2015. Режим доступа: <https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201505111109-4uqh.htm>

³⁰ Wu, DD. China and Russia Sign Military Cooperation Roadmap // *The Diplomat*, 2017. Mode of access: https://thediplomat.com/2017/06/china-and-russia-sign-military-cooperation-roadmap/?utm_content=buffera10d0&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer

ризм (таковым может быть объявлен любой режим, который по каким-то причинам не нравится Вашингтону), а члены ШОС видят прямую связь между международным терроризмом, с одной стороны, и сепаратизмом и религиозным экстремизмом – с другой. Подписанная в 2001 г. Конвенция ШОС по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом содержит четкие описания этих трех понятий³¹, хотя общепринятого международного определения терроризма не существует.

Руководимые более широким пониманием борьбы с терроризмом, страны-участницы ШОС сформулировали свою позицию по вопросу присутствия военных из США и других стран так называемой «антитеррористической коалиции» в Центральной Азии. ШОС смотрит на иностранное присутствие в регионе под своим углом. С одной стороны, Россия, Китай и страны Центральной Азии понимают, что военные операции в Афганистане направлены на борьбу с терроризмом. Однако есть серьезные подозрения, что США могут использовать свое присутствие в регионе для достижения собственных геополитических целей. По этому вопросу в январе 2002 года, страны ШОС подписали декларацию, в которой заявлялось, что силы международной коалиции в Афганистане должны действовать в соответствии с мандатом Совета Безопасности ООН и с согласия законных властей Афганистана³². В 2005 году саммит глав государств-участниц ШОС в Астане принял декларацию, в которой призвал командование Международных сил по сохранению

безопасности (МССБ, командование которыми в 2003 году приняло на себя НАТО) установить предельный срок для присутствия своих войск в Афганистане³³.

После избрания Б. Обамы президентом США тенденция к сотрудничеству стран ШОС и Западом по афганской проблематике начала усиливаться. Предыдущая республиканская администрация Дж. Буша младшего игнорировала любые сигналы извне и отказывалась сотрудничать с ШОС. Администрация Обамы пришла к выводу о том, что ей необходимо сотрудничать со всеми, кто может быть вовлечен в принятие решений по афганской проблеме. Как страны ШОС, так и США исходили из того, что провал антитеррористической коалиции в Афганистане будет серьезным, возможно, непоправимым ударом по всей системе международной безопасности в регионе. Страны-члены ШОС, являющиеся потенциальными мишенями террористической и наркоугрозы, исходящей из Афганистана, были также крайне заинтересованы в стабилизации ситуации в этой стране. Активизация участия ШОС в борьбе с терроризмом в Афганистане стала крупным успехом организации. Специальная конференция по Афганистану, состоявшаяся в Москве 27 марта 2009 года под эгидой ШОС, стала серьезным этапом в развитии организации и способствовала эволюции подхода международного сообщества к региональным проблемам. В конференции приняли участие Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, генеральный секретарь ОБСЕ Марк Перрен де Бришамбо, помощник генерального секретаря НАТО Мартин Ховард, а также представители государств-наблюдателей ШОС, Группы восьми и международных организаций, таких как ОДКБ, ЕС, СНГ, ОИК и СВМДА. Участие в конференции официальных лиц НАТО, США и их основных союзников свидетельствовало об изменении отношения Запада и его стрем-

³¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республике (Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China) / МИД России, 2001. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870

³² Справка МИД «Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество» (Ministry of Foreign Affairs "Russian-Chinese Trade and Economic Cooperation") / МИД России, 2002. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/548594

³³ Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Declaration of the Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization) / МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/433380

лении сотрудничать с ШОС и ее членами в данном вопросе.

После Московской конференции ШОС продолжала заниматься афганской проблемой. 25 января 2010 года в Москве состоялись региональные консультации ШОС по Афганистану, в которых приняли участие заместители министров иностранных дел Афганистана, Индии, Ирана, Казахстана, Кыргызстана, Китая, Пакистана, России, Таджикистана и Узбекистана, а также представители Секретариата ШОС. Однако принятие санкций против России в 2014 и 2015 годах привело к сворачиванию этих усилий и постепенному отказу западных стран от сотрудничества с ШОС.

ШОС также является важной площадкой для развития военного сотрудничества между странами-членами. Министерства обороны этих стран объединили усилия в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Совместные военные учения ШОС «Мирная миссия» проводятся раз в два года. В их ходе разрабатываются реалистичные сценарии военных конфликтов, которые могут иметь место в Центральной Азии. Например, в ходе учений «Мирная миссия-2016» решалась задача «восстановления конституционного порядка» в одной их стран-участниц ШОС. Учения включали боевое столкновение подразделения Вооруженных Сил Кыргызстана с террористами, которым удалось проникнуть в два местных поселка. Кыргызские войска сразу же получили поддержку с воздуха ВВС России, которая также развернула в этом районе подразделения тактической разведки. Позднее на место происшествия прибыли российские и китайские подразделения с тяжелым вооружением и вертолетами, которые помогли ликвидировать противника.

Экономическое сотрудничество в рамках ШОС уже давно буксует. Однако в 2018-2019 гг. оно может получить новый импульс отчасти потому, что и Россия, и Китай столкнулись с возросшей напряженностью в отношениях с США и считают необходимым активизировать экономическое взаимодействие. Кроме того, повышению роли экономической повестки должно способствовать вступление в ШОС Индии и Пакистана,

имеющие традиционные развитые экономические связи с Россией, Китаем и Центральной Азией.

Определенный импульс реализации экономических проектов в рамках ШОС может придать и выдвинутая Россией инициатива Большого евразийского партнерства, которая рассматривает ШОС как один из опорных институциональных форматов для формирования обширного континентального сообщества в области безопасности и экономического сотрудничества.

В отличие от ситуации с экономическим сотрудничеством, в области образования и здравоохранения в ШОС были достигнуты определенные успехи. То же относится и к культурной сфере. Страны Центральной Азии, Китай и Россия имеют древние и уникальные цивилизации. По мере того, как эти страны все более открываются, массовая культура становится неотъемлемой частью их собственной культурной жизни, поэтому все они сталкиваются с проблемой сохранения своих национальных традиций перед лицом глобализации. Эта обширная область для взаимодействия в рамках ШОС.

Наконец, четкая позиция ШОС, которая выступает за многополярный мир и сохранение решающей роли ООН и Совета Безопасности в международных делах вызывает интерес и уважение во многих частях мира.

В целом, несмотря на некоторые проблемы, ШОС уже превратилась в реально функционирующую авторитетную международную организацию, с которой приходится считаться другим странам и институтам. Основа ее существования проста: все члены ценят сотрудничество с Западом и понимают, что без сотрудничества с ним невозможно экономическое и технологическое развитие. В то же время они чувствуют себя более комфортно в мире, где есть альтернативные центры силы и где есть организации, понимающие их фундаментальные проблемы лучше и глубже, Запад и руководимые им союзы. Те же соображения и даже само существование такой авторитетной международной организации, как ШОС, где рабочими языками являются русский и китайский, но не английский, привлекают в нее все больше новых заинтересованных

партнеров. В современном мире с его сильной тенденцией к единообразию во всем, включая политику, существует запрос на голос стран, выступающих за многополярный мир, плюрализм и терпимость во внешней политике.

В первые годы существования ШОС все ее члены и большинство экспертов считали, что она не готова к расширению, так как организация должна прежде всего укрепиться в своем нынешнем составе, запустить свои механизмы и набраться опыта. Между тем международный интерес к ШОС продолжал расти. Еще в 2006 году Пакистан, который имел статус государства-наблюдателя, обратился с просьбой о полноправном членстве. Иран обращался с аналогичными просьбами в 2007 и 2008 годах, и еще один наблюдатель, Индия, выразил желание стать полноправным членом в 2010 году. В 2009 году саммит ШОС в Екатеринбурге ввел статус «партнера по диалогу», который был предоставлен Шри-Ланке и Белоруссии. Заинтересованность в установлении контактов с ШОС проявили также Египет, Непал, Сербия, Катар, Азербайджан, Турция и ряд других стран. Уже в 2011 году Турция обратилась к Генеральному секретарю ШОС с просьбой предоставить ей статус партнера по диалогу. США тоже продемонстрировали официальный интерес в этом статусе. Оба государства являются членами НАТО, что свидетельствует о серьезном отношении альянса к ШОС.

Нежелание принимать новых членов ШОС объяснялось техническими причинами, а именно, отсутствием механизмов вступления в организацию. Однако к концу первого десятилетия XXI века такой механизм был создан, наряду с правовой базой и четкими процедурами. На заседании глав государств-членов в июне 2010 года в Ташкенте было утверждено Положение о приеме новых членов ШОС, в котором были сформулированы четкие критерии, которым страны, желающие вступить в ШОС, должны соответствовать³⁴. Согласно этому

документу, государство, желающее стать полноправным членом ШОС, должно географически принадлежать к евразийскому пространству, иметь дипломатические отношения со всеми государствами-членами ШОС, поддерживать с ними активные торгово-экономические связи, иметь статус наблюдателя или партнера по диалогу и не находиться под санкциями ООН. Последний критерий на неопределенное время отсек одного из наиболее активных заявителей – Иран. В сфере безопасности международные обязательства государств, желающих вступить в ШОС, не должны противоречить международным договорам и другим документам, принятым организацией. Кроме того, государство-заявитель не должно быть вовлечено в вооруженный конфликт с другим государством (государствами). На саммите ШОС в Астане в июне 2011 года был принят меморандум об обязательствах государства-заявителя, необходимых для вступления в ШОС, что стало последним шагом в создании формальной основы для приема новых членов. После этого уже не было никаких формальных оснований отказывать другим странам в участии, ссылаясь на отсутствие соответствующих процессуальных документов.

Россия стала главным сторонником расширения ШОС. Пекин занял более осторожную позицию, официально не отказывая организации в расширении, но намекая, что ситуация еще «не созрела». Однако по мере углубления российско-китайского сотрудничества и изменения международной обстановки Пекин также изменил свою позицию и согласился на одновременный прием Индии и Пакистана. В результате, формальный допуск двух стран был санкционирован саммитом в Астане в 2017 году³⁵. Саммит в Циндао в 2018 году первым приветствовал официальные делегации и лидеров как Ин-

июня 2010. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1293166.html>

³⁴ Положение о порядке приема в ШОС новых членов утверждено в Ташкенте (Regulations on the Procedure for Admission to the SCO of New Members Approved in Tashkent) // Regnum, 11

³⁵ Астанинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Astana Declaration of the Heads of States of the Shanghai Cooperation Organization) / Сайт Президента России, 2017. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5206>

дии, так и Пакистана. Кроме того, Россия официально поддержала прием Ирана, что создает перспективу для вступления последнего в организацию.

Присоединение Индии, Пакистана и, возможно, в будущем – Ирана коренным образом меняет саму природу ШОС. Тогда в число членов организации войдут все ведущие незападные государства Евразии. Беларусь, европейское государство с несколько своеобразной политической системой, уже стала государством-наблюдателем ШОС. Все более скептически настроенная в отношении Запада Турция и разочаровавшаяся в защите Западом прав тамильских сепаратистов Шри-Ланка получили более свободный статус партнера по диалогу.

С этими и другими новыми членами и партнерами ШОС можно рассматривать как формирующийся краеугольный камень многополярного мира в процессе становления, платформу, предлагающую Евразийскую альтернативу Западной Европе. Если группа БРИКС способна стать альтернативой западным структурам с точки зрения глобального управления (в узком смысле, альтернативой «Группе семи» в «Группе двадцати»), то ШОС могла бы взять на себя роль второго, незападного центра тяжести в Евразии (поскольку Западная Европа также является частью Евразии).

Существует довольно популярная как в России, так и за рубежом теория о том, что России и Китаю суждено бороться за влияние в Центральной Азии. С легкой руки западных политологов, вроде З. Бжезинского (1997) и С. Хантингтона (1997), строящих абстрактные конструкции типа «шахматных досок», «великих игр» или «столкновения цивилизаций», они получили довольно широкое распространение в экспертных кругах на постсоветском пространстве. Относительная популярность таких идей в США можно объяснить выдачей желаемого за действительное антироссийскими и антикитайскими консерваторами, которые считают, что конфликты и борьба между Москвой и Пекином могут принести пользу Вашингтону. На постсоветском пространстве распространенность данных теорий базируется отчасти на подчас слепом доверии западным

теориям, а отчасти определяется политическими факторами. В России, как правило, об опасности Китая говорят либо радикальные западники, стремящиеся побудить Россию следовать за США и Европой, либо радикальные националисты, которые видят угрозы России повсюду, и Китай в этом смысле для них не исключение.

В действительности, интересы Китая в Центральной Азии совпадают с интересами России и заключаются в следующих трех ключевых факторах:

1. Поддержка политической стабильности (никто не хочет политического взрыва, который может привести к власти радикальные исламистские движения).
2. Сохранение у власти светских режимов.
3. Ускорение экономического развития стран региона как единственной прочной основы политической стабильности.

В этом смысле экономическая и внешнеполитическая деятельность каждой России и Китая в Центральной Азии не должна рассматриваться как угроза интересам других государств (так иногда утверждают негибкие консерваторы эпохи холодной войны). Если Китай инвестирует в экономику Центральной Азии, поддерживает там культурную и исследовательскую работу, то он не обязательно стремится нанести ущерб интересам России в регионе, потому что его усилия в конечном итоге приведут к экономическому и культурному развитию этих стран. Было бы неразумно выступать против такой деятельности. Скорее сама Россия должна быть более активной в реализации аналогичных программ.

Конечно, совпадение жизненно важных государственных интересов не означает отсутствия экономической конкуренции между компаниями из разных государств. Многие из них, включая крупные государственные компании и корпорации, очевидно, конкурируют за центральноазиатские рынки и часто получают поддержку от своих правительств. Но экономическую конкуренцию между хозяйственными субъектами не следует путать с соперничеством между государствами. Такая конкуренция часто встречается даже между самыми близкими союзниками, как это было

во время картофельной войны между США и Канадой в 1982-1983 годах или банановой, затрагившей интересы США, Великобритании, государств ЕС и некоторых латиноамериканских стран. То же можно сказать и о постоянной торговой напряженности между США и Японией. Эти острые экономические конфликты не испортили политических отношений, основанных на прочном союзническом фундаменте

Выводы

Совместное противостояние вызовам безопасности и повышение взаимного доверия изначально были ключевыми факторами в развитии отношений между Москвой и Пекином. К середине 90-х годов XX века они продвинулись дальше, все более стараясь координировать свою политику на региональном и глобальном уровнях. Такое сотрудничество основывалось на общих взглядах на мироустройство и стабильно растущей напряженности в отношениях с США.

Разрешение пограничных споров, частичная демилитаризация границ и успешное сотрудничество соседних стран в Центральной Азии обеспечили необходимую основу для вывода партнерства на глобальный уровень. России и Китаю пока удалось сдержать конкуренцию в регионе и продвинуть вперед совместный региональный проект – Шанхайскую организацию сотрудничества.

На глобальном уровне отношения в области безопасности шли рука об руку с военно-техническим сотрудничеством, которое фактически превратило Китай в военно-промышленную державу мирового класса, способную проецировать силу на региональном и глобальном уровнях.

В то же время Россия избегает прямого вовлечения в наиболее острые проблемы региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Скорее Москва оказывает влияние на ситуацию в главном вопросе, ограничивая возможности США по перегруппировке своих военно-стратегических и дипломатических ресурсов с Ближнего Востока и Европы в сторону Азии.

Россия и Китай работают над повышением оперативной совместимости своих воо-

руженных сил с середины 2000-х годов. Технически они уже проделали большую работу по подготовке почвы для военного альянса. Однако в политическом плане они пока к этому не готовы. Сценарий создания формального союза может стать реалистичным лишь при наихудшем раскладе, в случае, если безопасность обеих стран будет одновременно подвергнута серьезной и прямой угрозе со стороны США и их союзников.

Литература:

Кулик Б. Советско-китайский раскол: причины и последствия. Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 2000.

Слугин В., Феишков К., Калашиников С. Вооруженные силы СССР после Второй мировой войны: от Красной армии к Советской. Часть 1: Сухопутные войска. Томск: НТЛ, 2013.

Rozman, Gilbert. Asia for the Asians: Why Chinese-Russian Friendship Is Here to Stay // *Foreign Affairs*, 2014. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2014-10-29/asia-asians>

Stokes, Jacob. Russia and China's Enduring Alliance: A Reverse 'Nixon Strategy' Won't Work for Trump // *Foreign Affairs*, 2017. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-02-22/russia-and-china-s-enduring-alliance?cid=int-lea&pgtype=hpg>

Wishnick, Elizabeth. In Search of the 'Other' in Asia: Russia-China Relations Revisited // *The Pacific Review*, 2016, No. 30:1, pp. 114-132.

Wu, D. China and Russia Sign Military Cooperation Roadmap // *The Diplomat*, 2017. Mode of access: https://thediplomat.com/2017/06/china-and-russia-sign-military-cooperation-roadmap/?utm_content=buffera10d0&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer

Zhang, Yunbi. China, Russia to Hold First Joint Anti-Missile Drill // *China Daily*, 2016. Mode of access: http://www.chinadaily.com.cn/world/cn_eu/2016-05/05/content_25067674.htm

References:

Kulik, B. Sovetsko-kitayskiyraskol: prichinyi posledstviia (Soviet-Chinese Split: Causes and Consequences). Moscow: Institut Dalnego Vostoka RAN, 2000.

Rozman, Gilbert. Asia for the Asians: Why Chinese-Russian Friendship Is Here to Stay // *Foreign Affairs*, 2014. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2014-10-29/asia-asians>

Slugin, V.; Fes'kov, K.; Kalashnikov, S. Vooruzhennye sily SSSR posle Vtoroy mirovoy voyny: ot Krasnoy armii k Sovetskoy. Chast 1: Sukhoputnyye voyska (USSR Armed Forces after World War II: From the Red Army to the Soviet. Part 1: Ground Forces). Tomsk: NTL, 2013.

Stokes, Jacob. Russia and China's Enduring Alliance: A Reverse 'Nixon Strategy' Won't Work for Trump // *Foreign Affairs*, 2017. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-02-22/russia-and-china-s-enduring-alliance?cid=int-lea&pgtype=hpg>

Wishnick, Elizabeth. In Search of the 'Other' in Asia: Russia-China Relations Revisited // *The Pacific Review*, 2016, No. 30:1, pp. 114-132.

Wu, D. China and Russia Sign Military Cooperation Roadmap // The Diplomat, 2017. Mode of access: https://thediplomat.com/2017/06/china-and-russia-sign-military-cooperation-roadmap/?utm_content=buffera10d0&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer

Zhang, Yunbi. China, Russia to Hold First Joint Anti-Missile Drill // China Daily, 2016. Mode of access: http://www.chinadaily.com.cn/world/cn_eu/2016-05/05/content_25067674.htm

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021

RUSSIAN-CHINESE COOPERATION AND SECURITY IN ASIA PACIFIC REGION

Alexander V. Lukin

*MGIMO University,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Vasily B. Kashin

*National Research University Higher School of Economics,
Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Science,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 16.12.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 25.04.2019</p>	<p>Abstract: The authors argue that Russian-Chinese rapprochement is a fundamental feature of the current changing system of international relations. The two countries are effectively enabling each other to conduct independent foreign policies often in direct opposition to the West. There is a degree of complementarity between the two sides with Russia having comparative advantage in the military, intelligence and diplomatic fields and China being an economic superpower. The region of Central Asia which, as some Western authors have expected, could become the hotpoint of the Russian-Chinese rivalry. Yet in reality it became the cradle of the two countries' cooperation which is now affecting a wide range of international issues. Shanghai Cooperation Organization (SCO) has emerged as the main platform for Russian-Chinese cooperation in Central Asia. After India and Pakistan joined the SCO in 2017 it is evolving into a mechanism of Russian-Chinese cooperation not only in Central Asia but in the Indo-Pacific as a whole. The Korean peninsula is another important area of coordination between Moscow and Beijing in the Asia-Pacific. Russia and China have also been working on increasing interoperability of their military forces in the region since mid 2000s. Technically they have already done a great job for preparing ground for a military alliance. However, politically they do not appear to be ready for that yet.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Alexander V. Lukin</i>, PhD, Doctor of History, Director of Centre for East Asia and SCO Studies, MGIMO University; Professor, Head of Department of International Relations, National Research University – Higher School of Economics</p> <p>e-mail: avlukin@hse.ru</p> <p><i>Vasily B. Kashin</i>, Candidate of Political Science, Senior Researcher, Center for Comprehensive European and International Studies, National Research University – Higher School of Economics, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science</p> <p>e-mail: vkashin@hse.ru</p>	<p><i>Acknowledgement:</i> The study for the article was carried out with support of the Russian Science Foundation. Project No. 17-18-01577 “Creating Greater Eurasia and Developing a Strategy for Bilateral Cooperation between Russia and the Countries of the Region”</p>
<p>Key words: Russia; China; Shanghai Cooperation Organization; Greater Eurasia; bilateral relations; globalization</p>	<p><i>For citation:</i> Lukin, Alexander V.; Kashin, Vasily B. Rossiysko-kitayskoye sotrudnichestvo i bezopasnost' v ATR (Russian-Chinese Cooperation and Security in Asia Pacific Region) // <i>Comparative Politics Russia</i>, 2019, No. 2, pp. 135-151.</p> <p>DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021</p>

Для цитирования: Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // *Сравнительная политика*. – 2019. №2 – С. 135-151.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021

For citation: Lukin, Alexander V.; Kashin, Vasily B. Rossiysko-kitayskoye sotrudnichestvo i bezopasnost' v ATR (Russian-Chinese Cooperation and Security in Asia Pacific Region) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 135-151.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021